

Современное социоструктурное пространство России в представлениях молодежи

Ольга В. Крыштановская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olgakrysht@yandex.ru*

Наталия Н. Мещерякова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalia.tib@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается вопрос социальной структуры современного российского общества в представлениях молодежи. Выдвигается предположение, что четкое представление о категориях высших, средних и низших страт, доверие к возможности подняться вверх по социальной лестнице легитимными способами, получить заслуженное вознаграждение за усилия, – создают положительную установку на продвижение по карьерной лестнице, уверенность в своем будущем, представление о справедливости сложившихся в обществе порядков. Дезориентация в социоструктурном пространстве, отказ ему в легитимности ведут к замене социальной мобильности эскапизмом и желанием эмигрировать. Сравнительный анализ результатов двух этапов опроса показал, что молодежь России дезориентирована в ее социоструктурном пространстве. В сознании респондентов укоренено представление только о среднем классе, но и он не имеет четких признаков и критериев принадлежности. Молодежь не видит законных способов подняться наверх, называет сложившийся социальный порядок несправедливым, желание двигаться вверх по социальной лестнице вытесняется у нее стремлением уехать, эмигрировать. Для респондентов характерно состояние аномии – апатии, отчуждения.

Ключевые слова: социальная структура, социальная идентификация, мобильность, аномия, субъективная стратификация

Для цитирования: Крыштановская О.В., Мещерякова Н.Н. Современное социоструктурное пространство России в представлениях молодежи // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 288–299. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-288-299

The modern socio-structural space of Russia in the views of young people

Olga V. Kryshstanovskaya

*Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow,
olgakryshst@yandex.ru*

Nataliya N. Meshcheryakova

*Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow,
natalia.tib@mail.ru*

Abstract. The article deals with the issue of social structure of modern Russian society in the perceptions of young people. It is suggested that a clear idea of the categories of higher, middle and lower strata, trust in the possibility to climb up the social ladder by legitimate means, to receive deserved rewards for their efforts – create a positive attitude to career advancement, confidence in their future, the idea of fairness of the established orders in society. Disorientation in the socio-structural space and denial of its legitimacy lead to the replacement of social mobility with escapism and the desire to emigrate.

The comparative analysis of the two stages results of the survey showed that young people in Russia are disoriented in its socio-structural space. The idea of only the middle class is ingrained in the minds of respondents, but it does not have clear signs and criteria of belonging. Young people do not see legal ways to move up, they call the existing social order unfair, and their desire to move up the social ladder is replaced by the desire to leave or emigrate. The respondents are characterized by the state of anomie – apathy, alienation.

Keywords: social structure, social identification, mobility, anomie, subjective stratification

For citation: Kryshstanovskaya, O.V. and Meshcheryakova, N.N. (2023), “The modern socio-structural space of Russia in the views of young people”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 288–299, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-288-299

Введение

Вопросы социальной структуры и стратификации являются центральными в социологии, поскольку позволяют соединить функциональными связями, отношениями власти и подчинения различные социальные единицы от индивидов до институтов. В обсуждение проблематики структуры и стратификации органично входят темы дифференциации, неравенства, справедливости,

иерархии, элитизма и прочие ключевые понятия научного анализа. В предлагаемой статье нас интересует, насколько ясные представления о социальной структуре общества, в котором человек живет, способствуют пониманию своих социальных возможностей, здоровым карьерным амбициям, мобильности, готовности соблюдать принятые в обществе нормы, играть по правилам? И может ли дезориентация в социоструктурном пространстве провоцировать аномию, замещать социальную мобильность эскапизмом и желанием эмигрировать?

В решении поставленной исследовательской задачи мы опираемся на понятие социальной идентичности в трактовке, близкой Дж. Тернеру и его коллегам [Turner et al. 1999], которые делали акцент на прогнозировании социального поведения. Оно зависит от субъективно воспринимаемой легитимности статусных различий и возможностей перехода из одной группы в другую, то есть перспектив социальной мобильности, например от представления о том, может ли член группы с более низким статусом перейти в более высокостатусную группу [Tajfel, Turner 1979]. Другими словами, деятельность человека в социальной среде связана не только с тем, какой статус он имеет и какие социальные роли исполняет, но и с ясным пониманием того, какая социальная мобильность ему доступна, разделяет ли он лично социально одобряемые смыслы жизни, считает ли их легитимными и подкрепленными достигаемыми средствами достижения.

Объектом изучения в исследовании выступает молодежь крупных городов России в возрасте от 17 до 35 лет. Эта возрастная и социальная группа будет определять завтрашний день российского общества. Нас интересует, как маркируют молодые люди социоструктурное пространство страны, какие перспективы видят для себя с точки зрения карьерного роста, социальной мобильности.

Эмпирической базой для статьи послужили данные двух исследований: 1) «Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры» (2012 г.); 2) «Легитимация социальной стратификации в России» (2023 г.). Объект – городская молодежь, методы – глубинное интервью и фокус-группы. В обоих исследованиях есть повторяющиеся батареи вопросов, связанных с жизненными планами, перспективой политической карьеры, возможностью вхождения во властные структуры, желанием/намерением переехать/эмигрировать.

На этапе 2012 г. исследование затронуло респондентов семи федеральных округов, $n = 232$ человека, проведены 31 фокус-группа и 15 глубинных интервью. Исследование 2023 г. проходило в раз-

личных возрастных когортах. Для сравнения были привлечены данные трех молодежных фокус-групп (респонденты от 18 до 35 лет), проведенных в трех федеральных округах.

Обзор литературы

Одним из ведущих специалистов по социальной стратификации в России является Н.Е. Тихонова. Кроме объективной картины структуры общества автора интересует модель субъективной стратификации, отражающая представления респондентов о своем месте в социальном пространстве. Автор полагает, что субъективное представление о реальности влияет на социальное самочувствие и поведение больше, чем реальный уровень жизни. Также эти настроения определяют оценки легитимности существующей власти и влияют на социально-политическую стабильность в стране [Тихонова 2021]. Но представления россиян о реальной и идеальной структурах общества слабо коррелируются друг с другом, с оценками собственного социального статуса и удовлетворенностью им [Тихонова 2021, с. 27]. Н.Е. Тихонова полагает, что в обществе наблюдается запрос на общество социальной однородности, усиливаются антимеритократические настроения.

Субъективная стратификация перекликается с понятием социальной идентификации как самоопределением по отношению к социальным группам и стратам более высокого порядка. В исследовательской литературе хорошо проработан вопрос кризиса идентичности в условиях социальных трансформаций. Он заключается прежде всего в чувстве несоответствия желаемому социальному статусу [Андреева 2011; Ольховская 2021]. В указанных работах затрагиваются преимущественно психологические аспекты этого кризиса, то есть его значение для личности. Что можно сказать о нем как о факторе общественной жизни?

Остановимся на работе В.А. Ядова, которая была написана в 1990-х гг. и исследовала проблему социальной идентификации в транзитивном обществе. Как отмечал автор, имел место кризис перехода от одного типа общественной системы к принципиально иной, и

...происходит сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа («мы – это народ, открывающий миру новые перспективы братства и солидарности всех трудящихся») к групповым солидарностям «постмодернистского» типа, где решительно все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого бы то ни было вектора,

называемого социальным прогрессом [Ядов 1994, с. 36]. Ядов писал, что социальная идентификация личности в нестабильном, кризисном обществе испытывает неожиданные и непривычные воздействия, ослабление гражданской солидарности и рост социальной дезинтеграции. Но человек не перестает чувствовать потребность принадлежать к сообществам себе подобных, разрушение одних идентичностей ведет к формированию других.

Вопросы социальной мобильности рассматриваются в нашей работе и в общем ключе в постмодернистской интерпретации общества Дж. Урри как мира сетей и потоков в эластичном пространстве времени [Урри 2012, с. 494], и с применением конкретных теорий, которые могут помочь найти ответы на поставленные в исследовании вопросы. Например, туннельный эффект А. Хиршмана и М. Ротшильда подразумевает, что чем выше уверенность населения в возможности осуществления восходящей социальной мобильности, тем более терпимо оно к социальному неравенству [Hirschman, Rothschild 1973]. Российские авторы В.Е. Гимпельсон и Г.А. Монусова на материале межстрановых исследований доказывают это теоретическое предположение и обосновывают, что значение для общественного сознания имеют способы достижения более высоких статусных позиций. Легитимируются только те, что считаются честными. Население в более коррумпированных странах менее склонно терпеть неравенство, чем в менее коррумпированных [Гимпельсон, Монсурова 2014, с. 244].

А.Ф. Филиппов рассматривает мобильность как феномен производства новой солидарности за пределами малых групп. Он полагает, что в эпоху ослабления национальных государств солидарность в форме институционализированных обязательств по отношению к членам одного сообщества исчезает. Что появится на ее месте в обществе, где перемещения становятся одной из основных характеристик социальной жизни? – ставит вопрос исследователь [Филиппов 2011, с. 11].

Рассматривая проблему аномии как состояния безнормия, разрушения основ солидарного существования, российские авторы обращают внимание на «нормальность» аномии в постоянно усложняющемся мире и утопичность надежд на стабильность. Но рост аномии сопряжен с увеличением числа рисков и уязвимостей социума [Василенко 2018; Кравченко 2014]. Н.Н. Мещерякова подчеркивает рост рефлексивности социальных акторов, которые себя самих считают «мерилом всех вещей», что также повышает уровень неопределенности общественной жизни [Meshcheryakova, Vasilenko 2023].

Очерченный круг научной литературы раскрывает отдельные стороны процесса фрагментации социального мира. Человек теряется в социальном пространстве. Утрата безусловности социального статуса – тяжелое испытание. Лишившись ориентиров, личность плохо понимает, как ей действовать дальше. Вместе со статусом исчезают социально приемлемые модели поведения. Утрата определенности толкает людей к восприятию радикальных взглядов и идей.

Социальная идентификация

В ходе исследований 2012 и 2023 гг. были выявлены некоторые тенденции в социальном самоопределении молодежи. Опрос 2012 г. продемонстрировал трудности с самоидентификацией, отсутствие устоявшегося видения структуры российского общества и своего места в нем. Вопрос «К какой социальной группе вы себя относите?» вызвал немалое затруднение. Многие отвечали: «Я обычный человек» или «Я типичный житель России», или «Я простой работник». В 2023 г. в молодежной когорте менее размытые формулировки, но в 100% ответов самоидентификация проводится по ведущему социальному статусу, связанному с профессией (учитель, преподаватель, эксперт и др.) или роду занятости (студент, самозанятый, предприниматель).

Молодежь не мыслит номинальными группами, когда говорит о своем социальном статусе. В 2023 г. половина респондентов использовала категории классовой стратификации, говоря о статусе родителей. Но только средний класс легитимирован их сознанием как достойный того, чтобы к нему принадлежать. Все статусы измеряются через близость к среднему классу, и если люди очевидно не дотягивают до среднего класса, то используются номинации «низший средний класс», «почти средний класс», «средний рабочий класс». Последнее определение выводит нас на понимание еще одной тенденции. Рабочие не только перестали быть классом-гегемоном, но и потеряли как социальная страта свое собственное место в социальной структуре общества. В целом социальное картирование чрезвычайно пестрое, респонденты называют тех, кто находится в пределах жизненного маршрута: продавцы, айтишники, учителя, государственные служащие, подрабатывающие студенты, пенсионеры, инвалиды, алкоголики и т. д.

Несмотря на то что себя и своих родителей респонденты относят к среднему классу, пятая часть опрошенных в 2023 г. не только

указала, что высший класс (богатые) и низший (бедные) также есть, но и дала соотношение классов в структуре российского общества: «немного средний, немного богатых, много низший», «пропасть увеличивается между супер-богатыми и бедными людьми». Дается территориальный разрез некоторых страт: «интеллектуальный класс в Москве и Петербурге, в регионах мало», «рабочий класс в регионах».

Итак, общественным сознанием молодежи легитимирован только один класс общества – средний. Предполагаем, это объясняется многолетним муссированием в СМИ, с политических трибун и в научной полемике, что средний класс – это хорошо, это фундамент общества, это класс с предсказуемым электоральным поведением и пр. Эта мантра и закрепились в сознании в том числе далеких от науки людей. Но критерии принадлежности к нему у респондентов неопределенные. Научная интеллигенция указывается как «почти средний класс», рабочий и продавец – как средний. На прямо поставленный вопрос «Кого бы Вы отнесли к среднему классу?» респонденты 2023 г. определили рамки денежного дохода от 12 до 150 тыс. руб. в месяц. Среди значимых материальных признаков называются жилье или возможность без особого урезания других потребностей его снимать или платить ипотеку, автомобиль, возможность путешествовать.

Советская модель общества – два класса плюс слой интеллигенции – безвозвратно ушла в прошлое, но и представления о классовой структуре с характерным для нее делением на высший, средний и низший класс по весьма характерным и измеримым признакам в российском обществе не закрепились. Люди, которые определяют себя через средний класс, не понимают значение этого термина. Лексический анализ фокус-групп показал, что в целом понятие «средний класс» соседствует с понятиями «богатство» и «состоятельность». «Средний класс» для них совсем не «средний» в буквальном смысле слова. Скорее то, что российская молодежь понимает под «средним классом», соответствует западному «высшему среднему классу» (*upper middle class*).

Подобная стратификационная несовместимость может порождать девиантное поведение [Bohlke 1961] и, как мы полагаем, является проявлением общего состояния аномии. Когда люди теряются в социальном пространстве, они не могут двигаться вверх и вперед, поскольку не имеют ясной системы координат. Зачем стремиться вверх, если ты ожидаешь высокого дохода уже здесь, на среднем уровне, и при этом испытываешь чувство фрустрации, поскольку его не получаешь.

Потенциальная эмиграция

Социальная мобильность – это поиск путей для саморазвития, желание продвинуться в карьере. Если общество находится в состоянии аномии, человек с высокими мотивами достижения успеха сталкивается с проблемой самореализации. Молодые люди ищут стабильности и «жизненного маршрута», они хотят представлять свой будущий путь. Маршрутизация жизни прямо связана с их представлениями о социальном устройстве. Чтобы двигаться вперед и вверх, надо различать верх и низ, перспективу и ретроспективу. Если социальная структура общества не прояснена, не видны социальные лифты, молодой человек находится в замешательстве, что приводит к масштабным фрустрациям. Не возникает туннельного эффекта, неравенство не легитимизируется сознанием, поскольку люди не видят нормативных способов подняться по социальной лестнице. Не найдя путей для развития, человек сублимирует идею социального восхождения к мобильности географической, к мечте об эмиграции.

Как показывают наши исследования 2012 и 2023 гг., молодые люди в подавляющем большинстве не считают российское общество справедливым. Главными факторами в 2023 г. назывались несправедливая оплата труда и растущее социальное неравенство, при котором богатые становятся еще богаче, а большинство беднеет. На третьем месте расположились беззаконие и коррупция. При таком отношении к сложившимся социальным порядкам, когда «в России труднее, не работают социальные лифты, сложно продвинуться в карьере, увеличить достаток», – в молодежной среде мы фиксируем настроения эскапизма.

Стремление к эмиграции существенным образом отличается от простого желания путешествовать. Ценность путешествий высока во всех молодежных группах и вполне естественна. Любознательность, жажда новых впечатлений, новых знаний и опыта толкает людей на поездки в другие страны. Знание о том, что где-то можно получить лучшее образование, влечет молодых людей в города и страны, которые дают эталонные образцы. Эта мотивация построена на интересе, а не на конфликте. Стремление к эмиграции свидетельствует о глубокой внутренней драме, о накопленных обидах, о фрустрации. Человек стремится покинуть родину, потому что ему плохо, он не смог реализовать себя, вошел в конфликт с окружением. Он считает себя загнанным в угол, из которого есть единственный выход – переменить место жительства, вырваться тем самым из жестких тисков обстоятельств. Эмигрант уходит навсегда, путешественник едет на время. Именно эта потенциальная безвозвратность эмиграции делает ее драматическим выбором.

Заключение

То, что молодые люди не ориентируются в классовой структуре современного общества, не страшно само по себе. Маститые социологи пишут о том, что классы – это группы «на бумаге», сформулированные для удобства изучения социального пространства [Бурдые 2007]. Но тот же П. Бурдые считал капитал, даже символический, вполне реальным, а его наличие определяющим в системе господства, подчинения и местоположения агента в структуре социального поля [Бурдые 2004].

Молодежь не столько не понимает законов формирования социальной структуры, сколько отказывает существующей социальной структуре в легитимности и не видит своего места в ней. Лифты социальной мобильности оказываются закупоренными, массовое образование не конвертируется в престижный статус и хороший доход, желание двигаться вверх по социальной лестнице вытесняется стремлением уехать, вплоть до эмиграции.

Для молодежи характерно состояние аномии – апатии, отчуждения. Оно возникает в условиях социальной дезорганизации, отсутствия четких, принимаемых большинством правил игры, социальных взаимодействий. Молодые люди в большинстве политически индифферентны, поскольку не видят выразителей своих интересов в политической жизни и не доверяют власти и тем, кто в нее стремится. С одной стороны, такая индифферентность определяет вялость протестных движений, что может устраивать какие-то политические силы, но с другой – это снижает возможность коллективных действий, что затрудняет прорывное развитие страны, о котором много говорят с политических трибун.

Литература

- Андреева 2011 – Андреева Г. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. № 4 (20). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 14 сентября 2023).
- Бурдые 2004 – Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.
- Бурдые 2007 – Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алтейя, 2007. 288 с.
- Василенко 2018 – Василенко Л.А. «Нормальная аномия»: трансформация институтов в условиях сложного социума // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 3. С. 45–56.

- Гимпельсон, Монусова 2014 – Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18. № 2. С. 216–248.
- Кравченко 2014 – Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.
- Ольховская 2021 – Ольховская С.С. Переживание кризиса социальной идентичности в период ранней взрослости // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3. № 3. С. 222–247.
- Тихонова 2021 – Тихонова Н.Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 38 с.
- Урри 2012 – Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
- Филиппов 2011 – Филиппов А.Ф. Мобильность и солидарность // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. 2011. С. 4–20.
- Ядов 1994 – Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
- Bohlke 1961 – Bohlke R.H. Social Mobility, Stratification Inconsistency and Middle Class Delinquency // Social Problems. Vol. 8. Iss. 4. Spring 1961. P. 351–363.
- Hirschman, Rothschild 1973 – Hirschman A., Rothschild M. The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development // The Quarterly Journal of Economics. 1973. Vol. 87. № 4. P. 544–566.
- Meshcheryakova, Vasilenko 2023 – Meshcheryakova N.N., Vasilenko L.A. The New Social Developments of Durkheim and Merton Theories on Anomie in Modern Society // Social Evolution and History. 2023. Vol. 22. No. 1. P. 102–122.
- Tajfel, Turner 1979 – Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / Ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.
- Turner 1999 – Turner J.C. Some current issues in research on social identity and self-categorization theories. Social Identity / Ed. by N. Ellemers, R. Spears, B. Doosje. Oxford: Blackwell, 1999. P. 6–34.

References

- Andreeva, G.M. (2011), “On an issue of identity crisis amid the social transformations”, *Psychological studies*, no. 4 (20), available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 14 September 2023).
- Bohlke, R.H. (1961), “Social Mobility, Stratification Inconsistency and Middle Class Delinquency”, *Social Problems*, vol. 8, iss. 4, pp. 351–363.
- Bourdieu, P. (2004), “Forms of capital”, Radaev, V.V. (ed.), *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: Khrestomatiya sovremennoi klassiki* [Western economic sociology. A textbook of modern classics], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 519–536.

- Bourdieu, P. (2007), *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space. Fields and practices], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Fillipov, A.F. (2011), "Mobility and Solidarity", *Russian Sociological Review*, no. 10 (3), pp. 4–20.
- Gimpelson, V. and Monusova, G. (2014), "Perception of Inequality and Social Mobility", *HSE Economic Journal*, vol. 18, no. 2, pp. 216–248.
- Hirschman, A. and Rothschild, M. (1973), "The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development", *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 87, no. 4, pp. 544–566.
- Kravchenko, S.A. (2014), " 'Normal anomie'. Contours of Conception", *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], no. 8, pp. 3–10.
- Meshcheryakova, N.N. and Vasilenko, L.A. (2023), "The New Social Developments of Durkheim and Merton Theories on Anomie in Modern Society", *Social Evolution and History*, vol. 22, no. 1, pp. 102–122.
- Olkhovskaya, S.S. (2021), "Social identity crisis in early adulthood", *Psychology in Education*, vol. 3, no. 3, pp. 222–247.
- Tajfel, H. and Turner, J.C. (1979), "An integrative theory of intergroup conflict", Austin, W.G.; Worchel, S. (eds.), *The social psychology of intergroup relations*, Brooks/Cole, Monterey, CA, pp. 33–47.
- Tikhonova, N. (2021), *Sub"ektivnaya stratifikatsiya rossiiskogo obshchestva: sostoyanie, dinamika, klyuchevye problemy: analiticheskii doklad* [Subjective Stratification of Russian Society. State, Dynamics, Key Issues. Analytical Report. Analytical report], NIU VShE, Moscow, Russia.
- Turner, J. (1999), "Some current issues in research on social identity and self-categorization theories", Ellemers, N., Spears, R. and Doosje, B. (eds.), *Social Identity*, Blackwell, Oxford, pp. 6–34.
- Urry J. (2012), *Mobul'nosti* [Mobilities], Praxis, Moscow, Russia.
- Vasilenko, L.A. (2018), " 'Normal anomie'. Transformation of institutions in a complex society", *Research Result. Sociology and Management*, no. 4 (3), pp. 45–56.
- Yadov, V.A. (1994), "Social Identification in a Crisis Society". *Sociological Journal*, no. 1, pp. 35–52.

Информация об авторах

Ольга В. Крыштановская, доктор социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olgakrysht@yandex.ru

Наталья Н. Мещерякова, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; natalia.tib@mail.ru

Information about the authors

Olga V. Kryshstanovskaya, Dr. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6 Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olgakryshst@yandex.ru

Nataliya N. Meshcheryakova, Dr. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6 Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; natalia.tib@mail.ru